

УДК 746.11

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ДАГЕСТАНСКОГО КОВРОТКАЧЕСТВА

С.М. Гарунова,

младший научный сотрудник Института языка, литературы и искусств Дагестанского научного центра РАН, Махачкала

Аннотация. В статье обоснован тезис о том, что дагестанское ковроткачество, его технологические, художественные и семантические характеристики, орнаментально-композиционное, сюжетное своеобразие невозможно познать вне контекста историко-культурных процессов на Кавказе, влияния на эти процессы Востока и Запада, вне связей с ближними и дальними странами, этнокультурных контактов, заимствований и инноваций. Важную роль в этих процессах играла международная торговля, включенность Дагестана в которую прослеживается уже с албано-сарматского периода (III в. до н.э. – IV в. н.э.) и особенно со времени усиления роли Прикаспийской ветви Великого Шелкового пути (II в. до н.э.). С XV в. экспортная торговля кавказскими (главным образом азербайджанскими и дагестанскими) коврами в Европу являлась состоявшимся фактом.

В статье затронуты вопросы истории дагестанского ковроткачества, обращено внимание на то, что ковроткачество было известно практически всем народам, населявшим ареалы, вовлеченные в Великий Шелковый путь – международную систему караванных путей, связывавшую Восточную и Центральную Азию с Причерноморьем и Средиземноморьем.

В XIX в. вследствие активизации международной торговли кавказскими коврами, их проникновения на рынки южных и внутренних губерний Российской империи ковроткачество в Азербайджане и Дагестане стало приобретать промышленные масштабы. Технология производства и крашения пряжи, подбор рисунков ковров это были почти всецело ориентировано на запросы рынка. Проникновение в сферу ковроткачества капиталистических, рыночных отношений способствовало тому, что локальные типы и виды ковров становились общекавказским брендом. В результате к началу XX в. центры ковроткачества южного Дагестана (Дербент, Табасаран, Кюринский и Самурский округа) и северного Азербайджана (Кубинский уезд) представляли собой единый ковроткацкий ареал.

Ключевые слова: дагестанское ковроткачество, шелковый путь, ковры, межэтнические контакты, инновации.

HISTORICAL AND ETHNOGRAPHICAL ASPECTS OF STUDYING DAGESTAN CARPET WEAVING

S.M. Garunova,

Junior Researcher, Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Scientific Center, RAS

Abstract. The author of the article substantiates the thesis that Dagestan carpet weaving, its technological, artistic and semantic characteristics, ornamental, compositional, and plot peculiarities cannot be studied outside the context of historical and cultural processes in the Caucasus, the influence of the East and West on these processes, without taking into consideration the ties with neighboring and distant countries, ethnocultural contacts, borrowings and innovations. International trade played an

important role in these processes, and involvement of Dagestan in it can be traced during the Albanian-Sarmatian period (3rd century BC – 4th century AD) and especially during the period of strengthening of the role of the Caspian branch of the Great Silk Road (2nd century BC). Since the 15th century, the export trade of Caucasian (mainly Azerbaijan and Dagestan) carpets to Europe has been an established fact.

The article covers the history of Dagestan carpet weaving, the author draws attention to the fact that carpet weaving was known to practically all peoples inhabiting the areas involved in the Great Silk Road – the international system of caravan routes that connected Eastern and Central Asia with the Black Sea Region and the Mediterranean Region.

In the 19th century, due to the increased international trade of Caucasian carpets and their penetration into the markets of the southern and interior provinces of the Russian Empire, carpet weaving in Azerbaijan and Dagestan was in commercial production. The technology of yarn production and dyeing, the selection of drawings of carpets were almost entirely focused on the demands of the market. Penetration of capitalist, market relations into the sphere of carpet weaving contributed to the fact that local kinds and types of carpets became a common Caucasian brand. As a result, by the beginning of the 20th century, carpet weaving centers of Southern Dagestan (Derbent, Tabasaran, Kyurinsky and Samursky Districts) and Northern Azerbaijan (Kubinsky District) presented a single carpet-weaving area.

Keywords: Dagestani carpet weaving, silk road, Dagestan carpets, inter-ethnic contacts, innovations

В Европе коммерческий и эстетический интерес к кавказским коврам формируется уже с XVв, и ко времени присоединения к России Грузии (1801 г.), Азербайджана и Дагестана (1813 г.) экспортная торговля кавказскими коврами (главным образом через турецкие и персидские рынки) в Европу являлась состоявшимся фактом. Вопросы централизации внешнеэкономической деятельности, установления единых для всех территорий Российской империи таможенных правил и т.д. решались на Кавказе поэтапно. Со времени присоединения Кавказа к России и до распада СССР восточные (туркменские, азербайджанские, дагестанские) ковры составляли важную и доходную статью международной торговли.

С 1899 по 1914 г. функционировал Кавказский кустарный комитет. В 1902 г. комитет принял программу по повышению художественного уровня кавказских ковров. Были организованы прядильные фабрики, открыты экспериментальные лаборатории по крашению пряжи натуральными красителями. «В ведении комитета к 1913 г. находилось 11 мастерских. Перед Первой мировой войной деятельность Кавказского кустарного комитета значительно расширилась. В его составе были технический отдел с красильней и лабораторией по испытанию красок и пряжи; художественный и коммерческий отделы» [9, с. 151]. Меры царской администрации по расширению производства и сбыта восточных ковров принимались, главным образом, с ориентацией на запросы европейских (Италия, Австрия, Германия, Англия и др.) рынков. Относительно внутреннего рынка можно сказать, что восточные, кавказские ковры занимали в быту и эстетических потребностях населения внутренних областей Российской империи довольно скромное место. Отчасти объясняется это тем, что вплоть до начала XX в. сельское население России, быт и материальная культура которого оставались традиционными даже в ее европейской части, составляло более 85%.

Зарождение историографии кавказского ковроткачества происходило в лоне европейского (главным образом немецкого) востоковедения. Показательно, что в мировой и отечественной науке методы, термины, классификации, последовательность, порядок подачи материалов по тематике восточного ковроткачества вообще и кавказского, в частности, были и, по большому счету, остаются европейскими.

Пальма первенства в собирании музейных коллекций кавказских ковров принадлежит Кавказскому естественно-историческому музею, который был открыт в Тифлисе в 1867 году. Первым директором (с 1867 по 1903 гг.) этого музея был уроженец г. Данциг (совр. Гданьск), чл.-корр. Петербургской академии наук, руководитель Кавказского отделения Императорского Русского Географического общества Густав Ф. Радде. Первая и, пожалуй, единственная крупная работа XIX в. «Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства», изданная в Москве в 1882 г., принадлежит Маркграфу О.В. [14].

Точной датировки возникновения ковроткачества на территории Дагестана не существует. Сообщение отца истории Геродота Галикарнасского (V в. до н.э.) о том, что на Кавказе «есть, как говорят, деревья с удивительными листьями. Из этих-то листьев изготовляют краску, растирая их и смешав с водой, и затем наносят ею узоры на свою одежду. Узоры эти не смываются, а

стираются только вместе с шерстяной [материей, на которую их наносят], как будто бы они были вотканы в материю с самого начала» [4, с. 76], относится к крашению шерсти (пряжи) и ткачеству и лишь косвенно указывает на существование ковроткачества в первом тысячелетии до н.э. или задолго до этого.

Вопрос о времени возникновения ковроткачества в Дагестане важен как с познавательной точки зрения, так и для выяснения того, является ли дагестанское ковроткачество самобытной традицией (как, например, туркменская) или это некая «дочерняя ветвь» более древней и более развитой традиции соседних народов. Очевидно, что ответ на этот вопрос следует искать в контексте широко дискутируемой темы об истоках ковроткачества. Остановимся вкратце на некоторых сюжетах, которые могут иметь отношение и к Дагестану.

До находки пазырыкского ковра, о котором речь пойдет далее, самыми ранними (II–III в. до н.э.), считались фрагменты ковров, обнаруженные в 1927 г. в китайском Туркестане, в местечке Лу Лан, сотрудником Британского музея Аурелом Стейном. С открытием Пазырыкского кургана история ковроткачества стала древнее на несколько столетий. Пазырыкский ковер, пока еще самый древний из известных в мире, был обнаружен в 1949 г. в одном из одноименных курганов скифского периода в горах Алтая, на плато Укок.

«Художественное оформление ковра отличается богатством и разнообразием мотивов. Центральное поле занимает орнамент из 24 крестообразных фигур, каждая из которых представляет собой 4 схематизированных бутона лотоса. Эту композицию обрамляет бордюр с изображением орлиных грифонов, затем идет бордюр с 24 фигурами пасущихся пятнистых ланей с характерными широколопастными рогами. На самой широкой полосе представлено по 7 фигур верховых и спешившихся всадников. Сочетание ярко-желтого, голубого, красного цветов создавало эффектную красочную гамму. Число нитей основы около 120 на 1 (дециметр) квадратный. Нити утков соединяются с нитями основы в полотняном переплетении. На каждой паре шерстяных нитей основы разноцветными нитями вручную без всякого инструмента завязаны узелки. Пазырыкский ковер сделан симметричным двойным узлом (хордиес), так называемым турецким (на одном квадратном дециметре навязано 3600 узелков, во всем ковре свыше 1250 тысяч). Таким образом, ковер обладает достаточно высокой плотностью. Ворс образован концами узлов, обращенных вверх, на лицевую сторону и равномерно срезанных ножом... Размеры ковра 1,89х2,00 метра» [22]. Эти данные, в том числе упоминание о том, что на каждом квадратном дециметре этого ковра 3600, а во всем ковре – более 1250000 узлов, заимствованы Тюриным А.М. у академика Руденко С.И. [18, с. 41–55].

Столь превосходные художественные и технические характеристики этого, датированного V и IV вв. до н.э. шедевра убедили исследователей в том, что пазырыкский ковер является воплощением и отражением предшествующего развития традиции ковроткачества, существовавшей как минимум с I тысячелетия до н.э.

Дискуссия относительно места изготовления пазырыкского ковра началась сразу же после его обнаружения. Большинство исследователей считает, что ковер этот персидского происхождения. Однако пазырыкский ковер стал своего рода вершиной, символом ковроткачества, причастность к созданию которого возвысила бы чувства национального престижа. Отсюда и другие версии. Так, азербайджанские историки ковроткачества, ссылаясь на то, что еще в V веке до н.э. греческий философ Ксенофонт указывал на заимствование иранцами обычая изготавливать и пользоваться коврами у далеких предков азербайджанцев – мидян, полагают, что шедевр этот мог быть соткан в Мидии. По другому мнению, «туркменскому ковровому искусству не менее 6000 лет» (!?) и «геометричность узоров Пазырыкского ковра... не имеет ничего общего с растительным орнаментом персов». Ковер же этот попал на Алтай потому, что «еще во II тыс. до н.э. предки туркмен туранские (дахо-парфянские) племена продвинулись с территории современного Туркменистана на восток – в сторону Алтая и Монголии» и «принесли с собой в Центральную Азию и искусство ковроделия» [21].

Немецкий ученый Ульрих Шурманн и армянские эксперты многие годы доказывают, что пазырыкский ковер был соткан в [Армянском нагорье](#), в районе озера [Ван](#), что красителем, которым была окрашена пряжа, из которой был соткан этот ковер, является «армянский кошениль» [23].

Существуют также развернутые аргументы в пользу турецкого и алтайского происхождения пазырыкского ковра. Как видим, «национальных наследников» этого шедевра мирового ковроткачества и без дагестанцев предостаточно. Интересно другое: «Является ли единственным

свидетельством древности той или иной традиции ковроткачества ее причастность к пазырыкскому ковру?»).

Если обратиться к более позднему времени, нетрудно заметить, что ковроткачество было известно многим народам, населявшим ареалы, по которым проходил сложившийся во II в. до н.э. Великий шелковый путь. Эта международная система караванных путей связывала Восток и Запад, Восточную Азию (Китай) с Причерноморьем и Средиземноморьем, охватывала огромную часть Евразии, Среднюю Азию, Приуралье, Нижнее Поволжье, территории нынешних Азербайджана, Афганистан, Ирана, Турции, до портов Средиземноморья и южного Причерноморья.

На Северном Кавказе Великий шелковый путь проходил по одной ветви через перевалы Главного Кавказского хребта (Дарьяльский, Клухорский, Марухский, Санчарский и др.) до Южного Кавказа (Грузия, Армения). Другая ветвь проходила вдоль западного побережья Каспийского моря по Прикаспийскому коридору через территорию современного прикаспийского Дагестана в древнюю Кавказскую Албанию и далее в крупные городские центры Передней Азии (Экбатаны/Хамаданидр.).

Как отмечает М.С. Гаджиев, «плодом этих связей явилась... интеграция в сфере материальной и духовной культуры населения Дагестана с соседними народами и племенами..., вовлечение местного населения в международный товарообмен, появление и расширение местных рынков сбыта, новых поселений, что способствовало формированию и развитию ранних городов, становившихся торгово-ремесленными центрами» [1, с. 11].

Дагестан и Северный Кавказ уже с VI в. н.э. стали ареной столкновения интересов могущественных империй: Византии, Персии, Хазарии. Торговые караваны, шедшие по Великому шелковому пути в Европу, Византия, под властью которой находились провинции Западной Грузии (Лазика, Сванетия и др.), стремилась направлять к черноморскому побережью через горные перевалы Северного Кавказа, в обход Восточной Грузии (Иверии), которой владела Персия. Византийцы для безопасного перемещения товаров по «северокавказскому маршруту» Великого шелкового пути соорудили вдоль побережья Черного моря (Понта Эвксинского) от Сухуми до Поти гигантские фортификации, которые по протяженности (160 км) и грандиозности уступают только Великой китайской стене. Параллельно велась и миссионерская деятельность в горных районах Северного Кавказа, строились монастыри и поселения, которые обеспечивали торговым караванам безопасность. С течением времени горные маршруты менялись в зависимости от исторической ситуации. Другие кавказские ветви Великого шелкового пути проходили через территорию Азербайджана: одна шла вверх по течению Куры в сторону Колхиды и Иберии; другая – вдоль западного побережья Каспийского моря через Дербент и Прикаспийскую равнину [1, с. 12]. Можно предположить, что преимущества географического положения и наличие ресурсов (шерсть, кожа, оружие, ковры, сукна, утварь и др.) позволяли средневековым обитателям Дагестана пользоваться обеими упомянутыми ветвями. Дагестан имел сеть базаров, которые функционировали в узловых населенных пунктах, расположенных вдоль по шелковому пути (Куба, Ахты, Дербент, Маджаллис, Карабудахкент, Тарки, Акуша, Кумух, Корода, Тлох, Ботлих и др.), и которые имели выходы на рынки Кавказа (Баку, Ардебиль, Тебриз, Гянджа, Тифлис), Приволжья, Ирана, Турции.

Основные центры художественных ремесел Дагестана (металлообработки, керамического производства, камнерезного дела, сукноделия, ковроткачества и др.) складываются в эпоху раннего средневековья и наивысшего расцвета получают в XVIII–XIX вв.

«Высшее и наибольшее развитие кустарной промышленности, – писал Маркграф, – оказывается в Дагестане, занимающем не более 1/10 части всего пространства, занятого остальными областями Северного Кавказа <...>. В Дагестанской области встречаются все роды кавказских изделий и производство имеет там большей частью чисто промысловый характер» [14, с. 15,16].

Конкурентное преимущество дагестанских ковров на мировом рынке обеспечивалось оригинальной орнаментикой изделий и безупречным качеством работы дагестанских мастериц, а также превосходным гляncем шерсти дагестанских пород овец и уникальными красильными свойствами дагестанской марены, которая, в зависимости от сочетания используемых для крашения пряжи протрав, придавала ковровой пряже неповторимые цвета и оттенки.

В XIX в. вследствие активизации международной торговли кавказскими (главным образом азербайджанскими и дагестанскими) коврами, их проникновения на рынки южных и других внутренних губерний Российской империи ковровый промысел в Азербайджане и Дагестане стал

приобретать промышленные масштабы. К концу XIX в. число занятых ковроткачеством только в одном Кубинском уезде Бакинской губернии составляло 30 тыс., а в Дагестане – более 40 тыс. человек [8, с. 299].

В начале XX века промыслами занимались 132,5 тыс. человек, из них сукноделием – 68 тыс. и ковроткачеством – 40 тыс. человек, т.е. 80% [7, с. 182].

Ковроткачество как компонент материальной культуры и хозяйства отражает особенности естественно-географических, природно-климатических условий жизни народа, специфику ведения традиционного хозяйства, разносторонних связей и отношений. Дагестанское ковроткачество характеризуется видовым и орнаментально-композиционным многообразием, обилием локальных центров. У каждого из народов, населяющих Дагестан, есть свои излюбленные, традиционные типы ковровых изделий. У лезгин – это гладкотканые ковры-сумахи, микрахские, ахтынские, кубинские ворсовые ковры; у табасаранцев – ворсовые ковры и конопляные изделия с интересно затканными узорами; у татов и азербайджанцев – ворсовые ковры; у лакцев – валяные узорные войлоки и большие тканые паласы «турут»; у аварцев – тончайшие и оригинальные гладкие ковры «дум» и «давагын», узорные циновки «чибта»; у кумыков – узорные прорезные войлоки «арбабаш», изящные килимы «дум», каякентские и кумторкалинские ковры-паласы [10, с. 71].

Примечательно, что многие известные в мире виды кавказских ковров носят названия лезгинских (Микрах, Ахты, Кабир, Цахур (Зейхур), Чичи), кумыкских (Каякент, Кумторкала), аварских (Тлярата) селений.

В материальной культуре народов Южного Дагестана прослеживается влияние Азербайджана. Это проявляется в одежде, ковроткачестве, гончарных изделиях, медной посуде и т.д.

В предметах материальной культуры кумыков обнаруживается как сугубо этническая специфика (например, каякентские и кумторкалинские килимы), так и сходство с орнаментальными традициями северокавказских народов (золотое шитье, украшения одежды, войлочные ковры) [2]. Отметим также почти полную идентичность техники изготовления и рисунков аварских и кумыкских гладкотканых ковров типа «дум» [19;20].

Ареалы распространения ковроткачества в Дагестане хорошо известны. Это практически весь Южный Дагестан, включая Дербент и его окрестные селения, ряд аварских сел (Хунзах, Батлаич, Цада, Харахи, Гергебиль, Гочатль, Гонода, Тлярата и др.). В Северном и Центральном Дагестане крупными районами коврового производства являются кумыкские селения Буйнакского района (В. Казанище, Н. Казанище, Н. Дженгутай, Эрпели, Кумторкала и др.) [17, с. 99;20].

В конце XIX века ворсовые ковры производили в некоторых кумыкских [2, с. 86] и аварских селениях (Верхнее Казанище, Эрпели, Верхний и Нижний Дженгутай, Апши, Урма, Тлярата, Кутлаб, Хадиял, Гиндиб, Кардиб). Однако производство ворсовых ковровых в этих селениях не превратилось в сколько-нибудь выразительную в художественно-эстетическом и промысловом отношениях традицию [10].

В отличие от узорных ворсовых и гладкотканых ковров, ареал распространения которых был ограничен, полосатые двусторонние паласы хозяйственно-утилитарного назначения производили в Дагестане повсеместно. Использовались они для утепления земляных полов и стен жилых помещений, покрытия стогов сена и соломы от дождя и снега, подстилок при обмолоте, просеивании и сушке зерна.

Хотя с 1861 г. Кубинский уезд и Самурский округ административно были разделены между Бакинской губернией и Дагестанской областью, упомянутые уезд и округ представляли собой единую историко-этнографическую область. В 1926 г. один из первых советских исследователей дагестанского ковроткачества Л. Пасынков писал: «Подобно тому, как в Азербайджане ковроткачество наиболее развито в одном уезде – Кубинском, в Дагестане лучшие ковры изготавливаются в Самурском округе. Если мы попытаемся проанализировать творческие стороны, технические приемы и достоинство красок и шерсти дагестанского ковроткачества, то придем к заключению, что самурские ковры во многом родственны кубинским. Это же можно утверждать и по отношению к сумахам (безворсовым коврам) Кюринского округа, также граничащего с Кубинским уездом. Кюринские сумахи, несомненно, родственны сумахам, изготавливаемым в Кубинском уезде» [16, л. 5]. Небезынтересно в этой связи и следующее наблюдение Л. Пасынкова: «Из Кубы в массовом количестве приезжали и приезжают закупщики самурских ковров; при этом они привозят в виде образчиков кубинские ковры, заказывая с них копии. Это не говорит о том, что ковры Самурского округа слабее рисунком, а говорит о том, что в течение долгого времени вкус массового скупщика воспитался на кубинских рисунках, являющихся результатом обработки

лезгинских, арабских, персидских и кочевых мотивов-арабесок. Вместе с тем, многие типичные самурские рисунки выдаются за кубинские» [16, л. 7].

Известный дагестанский искусствовед П.М. Дебиров обратил внимание на то, что среди четырех десятков типов азербайджанских ковров не менее семи называются «Дербент». Так, ковры «Дербент» и «Ерси» в Азербайджане известны под названиями «Кехне Куба» («старая Куба») и «Гириз».

В Дербенте и прилегающих районах Южного Дагестана изготавливают ковер «Аишан», названный по одноименному селу в Азербайджане. В основе орнаментальной композиции «Аишан» многократное повторение расположенных по диагонали элементов с фигурами «херченг», т.е. «рак», «в сочетании с мелкими розетками различной конфигурации, обведенными белым или желтым цветом» [5, с. 63].

Другие типы ковров, которые ткали и в Дербенте, и в Азербайджане, называются по сходству с определенными материальными объектами: «турар» (мечи), «тапанча» (пистолеты), «голла чичи» (фигура с рукавами), «сумавар» или «шал» (азербайджанское название «ляджали») [17; 19].

Многие названия ковровых рисунков соответствуют названиям места их появления: «Ерси» (азербайджанское село в Табасаране); «Перебедиль» (название села в Азербайджане), «Кабир», «Микрах», «Ахты» (лезгинские села в Дагестане) и т.д.

Своего рода визитной картой искусства ковроткачества Азербайджана и Дагестана является ковер «Зейва». В Дербенте рисунок данного ковра известен как «курси» (азерб. «табуретка»), среди европейских ценителей кавказских ковров – как «Lezgi Stars» («лезгинские звезды»). Центральное поле ковра этого типа состоит из трех медальонов, представляющих собой крестообразную розетку квадратной формы со ступенчатыми рукавами и парными симметричными зубцами ступенчатого профиля, а на четырех углах между рукавами выступают фигуры, напоминающие головы птиц, обращенные друг к другу [3].

Не менее популярен в Дагестане и Азербайджане ковер типа «Сафар», или «Куш-гуль» (азербайджанское название «Заглы»).

Следующий тип ковра, производимый в Азербайджане и Дагестане, – это «хоросан чешне» – «хоросанский узор». В Азербайджане он называется «Гонахкенд» (по названию населенного пункта).

Восьмиконечная структура является композиционной основой центральных медальонов дербентских ковров «Гасан-кала» («крепость Гасана») и «буделай фуар». Медальон «Гасан-кала» имеет в центре прямой крест, как бы вытянутый поперечно. Оба типа композиций выделяются своей оригинальностью, особенно «буделай фуар». Декор ведущей полосы обрамления ковров типа «Гасан-кала» имеет аналог среди бордюрных мотивов азербайджанских ковров прошлых веков [6; 11; 12; 15].

Основные типы композиций ворсовых ковров («Сульфи», «джакул», «чархар», «чере», «буделай фуар», «Гасан-кала» и «микрах») входят в группу «Дербент». Типы «Сульфи», «джакул», «чархар», «чере», относящиеся к табасаранской школе, отличаются от остальных групп значительной ролью геометризованных цветочных изображений в декоре ковров [5, с. 71–72].

Деление ковров на дербентские и табасаранские носит, на наш взгляд, весьма условный характер. Дело в том, что примерно треть населения Табасарана составляли (и составляют) азербайджанцы, и сколько-нибудь существенной разницы в видах производимых ими ковров не прослеживается.

В XIX – начале XX в. азербайджанские и табасаранские ткачихи Дагестана производили ковры с ориентацией на спрос дербентского рынка. Оттуда эти ковры под общим названием «Дербент» вывозились на рынки Южного и Северного Кавказа, России и Европы.

В дербентских коврах обычно соблюдается симметрия узора по отношению и к вертикальной, и к горизонтальной оси. Однако встречаются образцы, у которых узор центрального поля строится симметрично только по отношению к вертикальной оси. Э.В. Кильчевская и А.С. Иванов отмечают, что симметрия в отношении горизонтальной оси соблюдается в таких случаях лишь при нанесении на ковер крупных медальонов или розеток, а мелкие фигуры, заполняющие фон (антропоморфные, зооморфные, изоморфные), располагаются асимметрично [10].

Анализируя азербайджанские ковровые орнаментальные мотивы, родственные дагестанским, П.М. Дебиров отмечает, что «художественная система орнаментальной школы Дербента имеет связь с традиционными формами, характерными для мусульманского искусства в целом и современного Азербайджана в частности» [5, с. 66].

В заключение отметим, что в силу географического положения и неизбежной вовлеченности Дагестана в экономическую и культурную жизнь Кавказа, мусульманского Востока, России,

влияния и инновации в различные сферы жизни, в том числе в ковроткачество, были неизбежны. Выражались последние в формировании эстетических предпочтений, «моды» и спроса на определенные виды и типы ковров, в переориентации коврового промысла на потребности внешних рынков, в коммерциализации коврового производства, распространении техники и орнамента ковров за пределы ареалов их традиционного бытования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гаджиев М.С.* Прикаспийский путь в древности и средневековье // Формирование и развитие международного транспортного коридора «Север-Юг» (по материалам круглого стола, 25 апреля 2008 г.). Махачкала, 2008. С. 9–19.
2. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 388 с.
3. *Гарунова С.М.* «Дербентское ковроткачество» в контексте истории этнокультур // Вестник Дагестанского научного центра. №60. Махачкала, 2016. С. 38–45.
4. *Геродот.* История в девяти книгах / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. Л., 1972. – 600 с.
5. *Дебиров П.М.* История орнамента Дагестана. Возникновение и развитие основных мотивов. М.: Наука, 2001. – 416 с.
6. *Дебиров П.М.* Ковры Дагестана: традиционное и современное искусство ковроткачества. Махачкала, 2006. – 82 с.
7. Дагестанская промышленность за пять лет. 1920-1925 гг. Махачкала, 1926. – 237 с.
8. История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. I. – 433 с.
9. *Карташова М.В.* Государственная политика Российской империи по развитию кустарных промыслов на Кавказе на рубеже XIX–XX вв. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 16. С. 150–152.
10. *Кильчевская Э.В., Иванов А.Я.* Художественные промыслы Дагестана. М., 1959. – 176 с.
11. *Магомедов А.Дж.* Традиционное художественное ремесло Дагестана (XIX – начало XX в.) / Отв. ред. Д.М. Магомедов. Махачкала, 1999. – 205 с.
12. *Магомедова А.И.* Дагестанские ковры. Махачкала, 2009. – 78 с.
13. *Маммаев М.М.* Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Махачкала, 1989. – 346 с.
14. *Маркграф О.В.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882. – 289 с.
15. *Мурадов В., Магомедханов М.М.* Дербентское ковроткачество. Баку: Элм, 2016. – 246 с.
16. *Пасынков Л.* Рукопись очерка «Дагестанские ковры». Порайонный анализ художественных особенностей, условия производства и условия сбыта ковров в ДАССР. Написан в 1926 году. // Научный архив Института ИАЭ ДНЦ РАН (НА ИИАЭ ДНЦ РАН). Ф.5. Оп. 1. Д.36.
17. *Рамазанова З.Б., Гарунова С.М.* К истории освещения особенностей дагестанского ковроткачества // [Вестник Института истории, археологии и этнографии](#). 2017. Т. 1. № 1 (49). С. 93–107.
18. *Руденко С.И.* Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая. М.: Искусство. 1968. – 136 с.
19. *Ташлицкая Э.* Безворсовые ковры Дагестана: По материалам безворсового ковроделия кумыков. Махачкала, 1975. – 84 с.
20. *Тройницкая В.* История ковроткачества в Дагестане // НА ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д.24.
21. Туркменское ковровое искусство // <http://forum-eurasica.ru/index.php?/topic/1506-turkmenskoe-kovrovoye-iskusstvo/> Обращение 13 октября 2016.
22. *Тюрин А.М.* История ковроткачества с позиций новой хронологии Фоменко и Носовского (гипотеза: ковер – символ Империи) // http://new.chronologia.org/volume6/tur_capit.html Обращение 22 ноября 2016 г.
23. Schurmann, Ulrich. The Pazyryk, a 2500 years old knotted rug found in an icegrave in the Altai: Its Use and Origin. Ulrich Schurmann, New York, 1982.

REFERENCES

1. *Gadzhiev M.S.* Prikaspijskij put' v drevnosti i srednevekov'e //Formirovanie i razvitie mezhdunarodnogo transportnogo koridora «Sever-YUg» (po materialam kruglogo stola, 25 aprelya 2008 g.). Mahachkala, 2008. S.9-19.
 2. *Gadzhieva S.SH.* Kумыki. Istoriko-ehtnograficheskoe issledovanie. M.: Izd-vo AN SSSR, 1961. – 388 s.
 3. *Garunova S.M.* «Derbentskoe kovrotkachestvo» v kontekste istorii ehtnokul'tur // Vestnik Dagestanskogo nauchnogo centra. №60. Mahachkala, 2016. S.38– 45.
 4. *Gerodot.* Istorija v devyati knigah / Per. i prim. G.A. Stratanovskogo. L.: 1972. – 600 s.
 5. *Debirov P.M.* Istorija ornamenta Dagestana. Voznikovenie i razvitie osnovnyh motivov. M.: Nauka, 2001. –416 s.
 6. *Debirov P.M.* Kovry Dagestana: tradicionnoe i sovremennoe iskusstvo kovrotkachestva. Mahachkala, 2006. – 82 s.
 7. Dagestanskaya promyshlennost' za pyat' let. 1920-1925 gg. Mahachkala, 1926. – 237 s.
 8. Istorija Dagestana. M.: Nauka, 1967. T. I. – 433 s.
 9. *Kartashova M. V.* Gosudarstvennaya politika Rossijskoj imperii po razvitiyu kstarnyh promyslov na Kavkaze na rubezhe XIX–XX vv. // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2015. № 16. S.150–152.
 10. *Kil'chevskaya E.H.V., Ivanov A.YA.* Hudozhestvennye promysly Dagestana. M., 1959. – 176 s.
 11. *Magomedov A.Dzh.* Tradicionnoe hudozhestvennoe remeslo Dagestana (XIX – nachalo XX v.) / otv. red. D.M. Magomedov. Mahachkala, 1999. – 205 s.
 12. *Magomedova A.I.* Dagestanskije kovry. Mahachkala, 2009. – 78 s.
 13. *Mammaev M.M.* Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Dagestana. Mahachkala, 1989. – 346 s.
 14. Markgraf O.V. Oчерk kustarnyh promyslov Severnogo Kavkaza s opisaniem tekhniki proizvodstva. M., 1882. – 289 s.
 15. *Muradov V., Magomedhanov M.M.* Derbentskoe kovrotkachestvo. Baku: EHIm, 2016. – 246 s.
 16. *Pasynkov L.* Rukopis' oчерka "Dagestanskije kovry". Porajonnyj analiz hudozhestvennyh osobennostej, usloviya proizvodstva i usloviya sbyta kovrov v DASSR. Napisan v 1926 godu. // NA IIAE DNC RAN. F.5.Op. 1.D.36.
 17. *Ramazanova Z.B., Garunova S.M.* K istorii osveshcheniya osobennostej dagestanskogo kovrotkachestva //Vestnik Instituta istorii, arheologii i ehtnografii. 2017. T. 1. № 1 (49). S. 93-107.
 18. *Rudenko S.I.* Drevnejšie v mire hudozhestvennye kovry i tkani iz oledenelyh kurganov Gornogo Altaya. M.: Iskusstvo. 1968. –136 s.
 19. *Tashlickaya E.H.* Bezvorsovyje kovry Dagestana: Po materialam bezvorsovogo kovrodeliya kumykov. Mahachkala, 1975. – 84 s.
 20. *Trojnickaya V.* Istorija kovrotkachestva v Dagestane // NA IIAEH. F. 5. Op. 1. D. 24.
 21. Turkmenskoe kovrovoe iskusstvo // <http://forum-eurasica.ru/index.php?/topic/1506-turkmenskoe-kovrovoe-iskusstvo/> Obrashchenie 13 oktyabrya 2016.
 22. *Tyurin A.M.* Istorija kovrotkachestva s pozicij novoj hronologii Fomenko i Nosovskogo (gipoteza: kover – simvol Imperii) //http://new.chronologia.org/volume6/tur_capit.html Obrashchenie 22 noyabrya 2016 g.
- Schurmann, Ulrich. The Pazyryk, a 2500 years old knotted rug found in an icegrave in the Altai: Its Use and Origin. Ulrich Schurmann, New York, 1982.